

Погода в Ленинграде выдалась дождливая и не по сезону холодная. Сданы школьные экзамены. Марина готовилась поступать в институт. Особых предпочтений у неё не было, училась посредственно и никаких иллюзий не строила, с трудом веря, что сможет самостоятельно куда-нибудь поступить. Постоянно лил нудный мелкий дождь, усугублял тревожное состояние, мучил и напоминал о предстоящем провале.

— Поможем! — твёрдо сказал отец. Он умел держать слово, и, если что-то обещал, так оно и случалось. Становилось легче, и Марина всецело положила на главу семейства — папа не подведёт!

Выбрали педагогический институт имени Герцена. По тем временам не слишком престижный, но вероятность попасть туда была самой высокой. Оставить дочь без высшего образования Сергей Владиславович никак не мог: довлекло общественное мнение. Ему, человеку глубоко партийному, всегда были безразличны честь и репутация, плюс устоялось мнение, что родители должны обязательно гордиться своими детьми, независимо от того, есть чем или нет, и любым путём дать взлелеянному чаду высшее образование.

Подняв все свои связи, он получил заверение: проблем не будет. И Марина из абитуриентки чудесным образом превратилась в настоящую студентку. Проходной балл она не набрала, а вот в списках поступивших себя увидела. Декан факультета при личной встрече в кабинете торжественно поздравил Марину, пожал руку

и с лукавой улыбкой напомнил, что как раз проходной балл она всё-таки набрала. Марина ещё раз убедилась: связи отца творят чудеса, ну и подарки, которые он, не скупясь, раздаривал нужным людям.

Сергей Владиславович ходил капитаном в загранку на сухогрузе в короткие рейсы и с лихвой привозил иностранное барахло: мохер, складные зонтики, плащи из болоньи, парики и другие вожделенные для любого гражданина Советского Союза товары. Никакая пропаганда преимуществ социалистического образа жизни не действовала на вроде бы окрепшие умы, и все пасовали перед любой безделицей заморского производства.

Те, кто мог пересекать железный занавес — а таких было немного, — считались небожителями и пользовались особым расположением, граничащим с подбострастием. Посему Марина причисляла себя к избранным, была балованной, как водится, легкомысленной и к семнадцати годам имела внушительный арсенал любовных походов. Она успела завести отношения определённого характера с женатым фарцовщиком вдвое старше себя и не отвергала мелкие интрижки со сверстниками, с которыми неуёмно знакомилась при любом удобном случае. Её ничуть не смущало бегать на свиданки то к одному, то к другому, ловко лавируя между чередой поклонников. Ни отец Сергей Владиславович, ни мать Светлана Алексеевна, прирождённая домохозяйка, и в страшном сне не могли представить, какая бурная жизнь у их единственной дочери.

Красавицей Марина не слыла, но что-то в ней определённо присутствовало. Некая природная изюминка, кошачья женственность и умение, когда надо, казаться слабой и беззащитной, но и постоять за себя в особых случаях она умела. Некое сочетание хрупкости и неуёмного напора, близкого к хамству. Большие выразительные тёмно-карие глаза с поволокой, тяжёлые каштановые волосы, слегка оттопыренная верхняя губка стали её основным оружием обольщения.

Таких, как она, сварливые бабки-сплетницы, сидящие на скамеечке около парадной дома, называли мальчишницами, более грубого слова не употребляли, повзрослеют девки — одумаются. Каждый раз, слыша шушуканье за своей спиной, когда её провожал очередной кавалер, ехидно улыбалась и гордо проходила мимо, подолгу задерживаясь на лестнице, раздаривая жаркие поцелуи. Не раз соседи заставляли её за этим непристойным занятием, от возмущения цокали языками и одаривали парочку презрительными взглядами.

Только Марину это ничуть не смущало. Как же ещё она развеет сомнения по поводу своей нестандартной внешности? Всё портил далеко не миниатюрный нос с горбинкой. И маленький рост. Фигурка была ладненькой, в обуви на внушительной платформе, которая, к счастью, вошла в моду, и в коротеньких юбочках смотрелась она очень даже симпатично. Топала Марина в такой обуви на редкость уверенно, хоть и оставалась Дюймовочкой на ходулях.

Ростом пошла в Светлану Алексеевну. Сергей Владиславович, несколько грузный, высокий и светло-русый, будто не принимал никакого участия в рождении дочери и часто по-доброму подшучивал, что наверняка Маринку в роддоме перепутали, больно тёмненькая, мелкая и носатая. Светлана Алексеевна имела рыжеватый цвет волос, аккуратный носик и, отчего Маринка такая получилась, не знала, только разводила руками. А вот улыбка у Марины была широкая, оголяющая два ряда на удивление белых зубов, как у отца, который ими сильно гордился. Ещё бы, почти все его сверстники по полрта на коронки заменили. «В здоровых зубах вся сила человека», — утверждал отец и отводил взгляд от жены, которую Бог не наградил таким сокровищем: небольшие, с желтоватым налётом мелкие зубки, хоть и свои, но все сплошь леченные-перелеченные. Светлана Алексеевна и смеялась, не открывая рта. В остальном считать её некрасивой было бы крайне несправедливо.

Учёба в институте давалась Марине нелегко. Усердием не отличалась, с трудом высиживала на лекциях, а то и прогуливала. Житейский ум имелся и хитринка — только к учёбе это не имело никакого отношения. Не раз отец приходил на помощь, и Марина со скрипом переходила с одного курса на другой. У неё были свои планы. Главное — правильно пристроиться. Не пахать же учительшей за мизерную зарплату. А выход один — найти правильного мужа, который возьмёт на себя всю ответственность за её светлое будущее. И Марина искала. Про себя она называла это «выходить на охоту» и с девчонками-сокурсницами часто после занятий

посещала близрасположенный ресторан «Висла», кондитерскую в «Метрополе», реже — пирожковую «Минутка» на Невском, недалеко от Мойки. В знаменитую пирожковую тащили подружки.

— Туда же ходят одни нищие студенты, и тратить на них время глупо и непредусмотрительно! — безуспешно убеждала всех Марина.

— Зато дёшево и вкусно! Тебе-то что?! Ты на полном иждивении у родителей. А нам до стипендии как-то дотянуть надо!

Именно в этой пирожковой Марина познакомилась с Володей Соколовым. Случилось это на последнем курсе, в прекрасный весенний солнечный день.

— Ну что, в пирожковую? — наперебой затрещали подружки.

Марина недовольно хмыкнула, но спорить одна против четырёх решительно настроенных девиц, разогретых майским солнцем, не стала — пирожковая, так пирожковая, тем более до свидания с пареньком, с которым она вчера познакомилась, когда шла с института к метро, оставалось чуть более часа. Рассчитывать на то, что он поведёт её в какое-нибудь приличное место, не приходилось — слишком юн и скромно одет, но очень симпатичный и забористо-весёлый.

В «Минутке» стоял невероятный гул и выстроилась большая очередь вдоль стеклянной витрины с пирожками и сдобными булочками. Марина недовольно пялилась по сторонам, пока её взгляд не остановился на столике,

за которым сидели три крепких молодца в фирменных спортивных костюмах. «Спортсмены и явно выезжают за рубеж...» — смекнула Марина и впилась глазами в блондина, который что-то громко рассказывал, а дружки беззастенчиво ржали, похлопывая себя по мускулистым ляжкам. Это был её стопроцентно любимый типаж. Тёмненьких, с карими глазами она, как правило, не жаловала. Блондин с пшеничной кудрявой шевелюрой не обращал на неё никакого внимания, даже когда она тихонько отделилась от подружек, подошла поближе, немного постояла и вернулась назад. Уселись девчонки за первый освободившийся стол, прилично удалённый от парней. Настроение испортилось, Марина вся извертелась, и любимый пирожок с капустой не доставлял прежнего удовольствия.

— Кого ты там высматриваешь? — спросила Амира.

— Кого надо! — грубо от досады ответила Марина.

С Амирой она сдружилась ещё с первого курса. Интеллигентная семья. Мать Амиры — азербайджанка, отец — русский. На Амиру она была вовсе не похожа — чистая Алёнушка из сказки. Симпатичная, с огромными блюдцами бездонных серо-голубых глаз и маленьким курносым носиком, которому Марина люто завидовала, но честно ей в этом признавалась.

— Мне бы твой нос, Амирка! Цены бы мне не было!

— При чём здесь нос?! Оставь ты свой нос в покое! Нормальный у тебя нос!

— А горбинка?! — не унималась Марина.

— Это твоя особенность. Тебе очень даже идёт. Вспомни, какой нос был у Ахматовой и какие мужчины её любили! Гумилёв, Модильяни... Надо уметь из кажущегося недостатка сделать своё преимущество.

— Это как, если я каждый раз, видя своё отражение, пугаюсь?!

— Вот и зря! Носи свой нос с гордостью и считай, что у тебя греческий профиль.

— От этого не легче.

— У всех свои проблемы! Может, я тоже завидую твоим густым волосам! И что с того? От этого мои гуще не станут. Так и помру с серыми крысиными хвостиками.

— Тоже мне! Сравнила нос с волосами!

Подобные споры случались нередко, но именно они помогали Марине смириться с положением вещей и не быть к себе настолько придирчивой. Когда за столиком парней наметилось движение, Марина вскочила и, дожёвывая пирожок, невнятно сообщила, что ей пора бежать. Молодые плечистые спортсмены вышли из пирожковой, распрощались, и смешливый блондин направился к каналу Грибоедова. Солнце слепило глаза, народ валил в одну и другую сторону, но Марина настойчиво пробиравалась сквозь толпу, не теряя парня из виду.

— Какая глупость! Зачем?! Сейчас ещё и на свиданку опоздаю! — бубнила Марина и шла за пареньком в спортивном костюме.

Ей пришлось зайти с ним в метро, спуститься по эскалатору и прыгнуть в тот же вагон электрички. Она примостилась совсем рядом, для этого ей пришлось растолкать группу школьников, которые вместе с двумя учительницами, скорее всего, возвращались с экскурсии и бурно что-то обсуждали, перекрикивая друг друга. Вдруг он обернулся, улыбнулся, и Марина от неожиданности глупо улыбнулась в ответ.

— По-моему, я вас видел с подружками в пирожковой на Невском.

— Да-а-а-а? — Марина скроила удивлённую мордочку, задрала и так вздёрнутую губку, показала белоснежные зубки, потом смущённо потупила взор, не забывая о том, что в профиль лучше пока не поворачиваться: вдруг он любит таких курносых, как Амирка.

Владимир Соколов уже несколько лет жил в Ленинграде, переехал из-под Свердловска и входил в сборную Советского Союза по конькобежному спорту. Дважды чемпион СССР, серебряный призёр чемпионата мира и Европы, готовился к своим первым Олимпийским играм. Перед летними сборами в Эстонии команду ненадолго распустили, и по чудесной случайности он с друзьями оказался в небезызвестной пирожковой «Минутка». Иначе как огромной удачей сие событие назвать было невозможно. Марине и во сне не могло такое присниться. Самое забавное, что именно греческий профиль Марины сыграл немаловажную роль: Володя по простому своему происхождению считал такие носы признаком породы и терпеть не мог курносых девчонок.

Поначалу он даже решил, что у Марины кавказские корни, уж больно экзотическая внешность, что и вызвало ещё больший интерес. У него оставалась целая неделя в запасе, и они начали встречаться. Он водил её по ресторанам, отвозил домой на такси, дарил цветы, с сальностями не лез, был сдержан и в постель не тянул.

— Станный какой-то! Амир, может, мне самой проявить инициативу? Мы даже не целовались! Возьмёт за руку и тут же отпустит. Просто я никак не пойму, нравлюсь я ему или нет?

— Стал бы такой парень с тобой таскаться каждый день! Конечно, нравишься!

— Моё это, Амирка, сто пудов моё!

— Тогда держись. А то переспит и исчезнет. Промурыжь его как следует, не поддавайся!

— Он сам кого хочешь промурыжит! Ты, конечно, ещё тот великий специалист! У тебя и парня ни одного не было. Завтра последний день — и уезжает на сборы. Нет, ты не права, надо действовать.

Действовать не пришлось, Владимир сам предложил заехать к нему в гости на Васильевский остров. Жил он на улице Кораблестроителей, в новой высотке, которых понастроили в ряд, и они, как колосья, высились вдоль всей улицы и выгодно отличались от других домов.

— От спортивного комитета получил. Недавно ремонт закончил. Всем приятель рулил. Валька. Мы с ним с детства дружим. Он за мной в Ленинград приехал,

бригадиром на стройке работает. Без него не справился бы. Меня же почти никогда не бывает. Обижается, что пропал. Обычно, когда я дома, ко мне переезжает.

Володя оказался совсем не из робких. «Что так долго тянул? Что у него на уме? Молчаливый, скрытный... Но ласковый, как телёнок. Такого приручить не сложно. А со стороны казался неприступным! Все такие — с виду одни, а на самом деле совсем другие. Сама бы за ним не пошла, фиг бы решился познакомиться. Сказал, что сразу обратил на меня внимание и видел, как я преследую его, оттого не стал брать такси и поехал на метро. Ещё тот хитрец!»

Хитрецом Володя не был. Он поставил себе цель — стать олимпийским чемпионом — и к девицам, которые неустанно липли к нему, особого внимания не проявлял. Конечно, он не был монахом и, как любой молодой человек, заводил кратковременные связи, но, как только посягали на его свободу или требовали больше времени, чем он мог позволить, исчезал бесследно и без сожалений.

С Мариной получилось всё иначе. Что-то тянуло к ней. Он и сам не понимал что. Неосознанное влечение. Она манила, точно магнит, и он преднамеренно отодвигал момент их близких отношений, боясь всё испортить. В его жизни, как он считал, уже случалась большая любовь, но был уверен, что ничего подобного больше никогда не произойдёт. Ему едва исполнилось девятнадцать, ей — двадцать пять. Она была замужем и уходить от мужа не собиралась. Они познакомились в Москве. Приехал на соревнования и случайно встретил её у ГУМа. Связь длилась около года и причинила ему немало страданий. Первая